

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Роль выдающихся российских адвокатов в развитии судебного процесса.....	5
Глава II. Ораторское искусство российских адвокатов и его роль во взаимоотношениях обвинения и защиты.....	16
Глава III. Вклад выдающихся российских адвокатов в развитие адвокатской профессиональной культуры.....	21
Заключение.....	24
Список использованной литературы.....	26

Введение

Под адвокатурой в Российской Федерации принято понимать добровольное объединение лиц, занимающихся адвокатской деятельностью. Организационной формой адвокатуры традиционно является коллегия адвокатов, образуемая по заявлению группы учредителей - лиц, имеющих высшее юридическое образование или же по инициативе органов исполнительной власти. Как писал еще в конце прошлого века выдающийся российский юрист А.Ф.Кони, профессиональные объединения адвокатов, присяжных поверенных - это тот высший идеал, который нужен для России.

Смыслом и целью существования адвокатуры как института профессиональной защиты и представительства является оказание юридической помощи всем, кто в таковой нуждается. «Адвокаты, - как писал русский дореволюционный историк права Д.Н. Бородин, - это специалисты, правоведаы, защищающие на суде права индивидуальных лиц во имя и в интересах общественного блага».

В России гарантии на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе - в предусмотренных законом случаях - бесплатной, предоставляются действующей Конституцией РФ (ст. 48.)

В числе принципов, которые выдвигаются российскими юристами в качестве основных правовых и этических ориентиров адвокатской деятельности, можно выделить следующие: а) законность; б) самоуправление; в) коллегиальность в руководстве; г) независимость адвокатуры; д) соблюдение адвокатской этики;

Под соблюдением адвокатской этики, прежде всего, понимается умение хранить профессиональные тайны, в том числе - содержание бесед с подзащитными, а также - соблюдение интересов доверившихся адвокату людей. Никакого другого интереса у адвоката быть не может. Адвокат обязан всегда и полностью разделять позицию доверившегося ему человека. Корректировка позиции адвоката допустима лишь в интересах доверителя

или подзащитного. После того, как линия поведения совместно с доверившимся человеком выработана, адвокат не может ее принципиально изменить, потому что это было бы изменой, предательством по отношению к клиенту.

В то же время, как справедливо замечал выдающийся российский адвокат А.Ф.Кони, адвокат не должен быть слугою своего клиента, его пособником уйти от заслуженной кары правосудия. Уголовный защитник представлялся ему как человек, «...вооруженный знанием и глубокой честностью, умеренный в приемах, бескорыстный в материальном отношении, независимый в убеждениях ...»

Из этого понятна актуальность темы работы. Изучение наследия выдающихся российских адвокатов необходимо для становления справедливой и надлежащей судебной системы.

Цель работы состоит в общей характеристике деятельности российских адвокатов конца XIX – начала XX вв. Задачи работы предусматривают:

1. определение роли российских адвокатов в развитии судебного процесса как социального института
2. характеристику деятельности российских адвокатов по развитию состязательной стороны судебного процесса
3. определение вклада российских адвокатов конца XIX – начала XX вв. в развитие профессиональной этики и профессиональной культуры адвоката

Работа состоит из трёх глав, соответствующих выделенным задачам работы. Источниками для написания работы являются различные публикации по истории российского судебного процесса.

Глава I. Роль выдающихся российских адвокатов в развитии судебного процесса

Судебное разбирательство — это всегда столкновение добра и зла во имя справедливости. Сознание того, что последствием судебного решения может быть судебная ошибка, несправедливая безнаказанность или несоразмерное наказание преступника, превращает спор между обвинителем и защитником в настоящий бой. В судебном процессе борьба идет не за себя, а за других, отсюда повышенное чувство ответственности.

Первый этап современной судебной реформы в России, важнейшими вехами которого явилось введение традиции несменяемости судей и суда присяжных заседателей, позволил судебной власти приобрести статус одной из трех властей в государстве, сделав ее независимой от законодательной и исполнительной власти.

Усиление судебной власти должно сопровождаться повышением роли и значимости прокуратуры как гаранта соблюдения прав и законных интересов гражданина и государства, а поскольку защита прав и интересов в дальнейшем будет осуществляться в основном через суд, работники прокуратуры обязаны глубоко вникать в опыт функционирования правоохранительных структур других государств, в собственную историю развития судебной системы.

Период после судебной реформы 1864 г. в России - это пора расцвета юридической мысли, переосмысления роли общественности в осуществлении правосудия и проблем взаимоотношений между сторонами в уголовном процессе. Неслучайно П. А. Александров с достоинством говорил: «Я проникнут традициями того времени, когда всякая непорядочность в прениях удалялась, а чистоплотность и порядочность прений считалась одним из лучших украшений суда».

Совершенство законов само по себе не гарантирует защищенности от произвола и судебных ошибок, выдвигая на первый план человеческий

фактор. Именно поэтому изучение трудов русских юристов конца XIX—начала XX в., их личных наблюдений и выводов, касающихся проблем профессиональной этики, приобретает сегодня особый интерес и значимость. Речи известных русских юристов указанного периода на уголовных процессах — это не только примеры судебного ораторского искусства, но прежде всего образцы высоконравственного отношения к своему профессиональному долгу, уважения к суду, судебному сопернику, к участникам судебного разбирательства.

Многие из этих речей и работ произнесены и написаны более ста лет назад, но и сегодня остаются очень актуальными высказанные в них требования к каждому судебному деятелю (следователю, прокурору, адвокату, судье): компетентность, тактичность, гуманное отношение к лицу, обвиняемому в совершении преступления, принципиальность и порядочность.

Интерес к трудам русских юристов послереформенного периода объясняется и схожестью нерешенных вопросов, связанных с осуществлением правосудия.

А. Ф. Кони указывал: «К судье следует предъявлять высокие требования не только в смысле знания и умения, но и в смысле характера, но требовать от него героизма невозможно. Отсюда необходимость оградить его от условий, дающих основание к развитию в нем малодушия и вынужденной угодливости»¹.

Готовясь к судебному следствию или к прениям, каждый оратор знает, что его противник приложит все свое умение к тому, чтобы остаться победителем. При таких условиях человек не может отказаться от специальных приемов борьбы, однако их использование должно находиться в соответствии с требованиями профессиональной этики.

А. Ф. Кони утверждал: «Из всех обстоятельств дела самое важное, без сомнения, — личность подсудимого, с его добрыми и дурными свойствами, с

---

¹ Кони А. Ф. Приемы и задачи обвинения// Избранные произведения. — М., 1959 – С.188

его бедствиями, нравственными страданиями, испытаниями». Поэтому определение этих свойств является для каждого судебного деятеля — будь то судья, прокурор или адвокат — первой обязанностью.

Нельзя забывать, что подсудимый никогда не находится в спокойном состоянии. «Естественное волнение после долгих, тяжелых недель и месяцев ожидания, иногда в полном одиночестве тюремного заключения, страх перед приговором, стыд за себя или близких и раздражающее чувство выставленное им «напоказ» перед холодно-любопытными взорами публики, — все это действует подавляющим или болезненно-возбуждающим образом на сидящего на скамье подсудимых. Начальственный, отрывистый тон может еще больше запугать или взволновать его. Спокойное к нему отношение, внимание к его объяснениям, полное отсутствие иронии или насмешки... входят в нравственную обязанность судьи...» - писал А. Ф. Кони. В полной мере это относится и к обязанностям прокурорского работника².

Характеристика подсудимого должна быть обстоятельной, объективной и соответствовать тем этическим требованиям, на которые указывалось ранее.

С. А. Андреевский в речи в защиту А. Г. Иванова, обвинявшегося в убийстве своей невесты, дает такую характеристику подсудимому: «Личность Иванова глубоко поучительна. Он хотя и военный писарь, но человек с большой начитанностью; это соединение простого звания и образованности помогает раскрытию типичности Иванова: в нем есть и стихийная сила, и развитая мысль. Какой же он человек? Вы видите его наружность. Хотя ему уже 27 лет, но он чрезвычайно молод и миниатюрен. Он смотрится красивым мальчиком. Черты лица у него тонкие и правильные, но в его круглых глазах, большей частью серьезных, мелькает беспокойный огонек блуждающей мысли. По роду своих занятий он имел когда-то хорошую карьеру — был старшим писарем полка, но затем сбился с дороги, за беспутство потерял службу и в последнее время был слесарем на

---

² Там же. С.194

Пороховых заводах. Иванов — человек бескорыстный. При всей пылкости своей крови и страстности своей природы он не был развратником или низменным сластолюбцем. Высокий слог и возвышенные чувства слишком навязчиво и упорно проявляются у Иванова всегда, когда он говорит или пишет о любви, чтобы можно было его заподозрить в лукавом лицемерии. Нет, все это у него искренне. Он принадлежит к типичным раздвоенным людям нашего времени, которые красиво думают и дурно поступают».

Ничего в этой характеристике не упущено: ни положительного, ни отрицательного в личности Иванова.

Недопустимо употребление относительно подсудимого тех эпитетов, которые могут иметь место при характеристике его личности и действий в частном разговоре. С особым тактом защитник должен говорить о тех событиях, которые носят интимный характер. Это же правило вменялось в обязанности прокурору ст. 738 Устава уголовного судопроизводства.

В речи Андреевского по делу Андреева звучит необычная, до дерзости смелая мысль: «Андреев имел полное право считать себя счастливым мужем. Спросят: «Как мужем? Да ведь Левина была почти 14 лет па содержании...» Стоит ли против этого возражать? В общежитии, из лицемерия, люди придумали множество фальшиво-возвышенных и фальшиво-презрительных слов. Если мужчина повенчан с женщиной, о ней говорят: «супруга», «жена». А если нет, ее называют «наложница», «содержанка». Но разве законная жена не знает, что такое «ложе»? Разве муж почти всегда не содержит свою жену? Истинным браком я называю такой любовный союз между мужчиной и женщиной, когда ни ей, ни ему не нужно никого другого, когда он для нее заменяет всех мужчин, а она для него всех женщин. И в этом смысле для Андреева избранная им подруга была его истинной женой»³.

Идеал супружества — во внебрачном сожительстве! Если бы другой оратор, выступая обвинителем или защитником в уголовном процессе, решился бы высказать присяжным столь рискованное положение, он

---

³ Яковлев А. М. Преступность и социальная психология. — М., 1999. — С.210

произвел бы самое невыгодное впечатление, а председатель, руководствуясь ст. 611 Устава уголовного судопроизводства, немедленно остановил бы его за неуважение к религии и закону. Но замечательный юрист, выносивший в себе этот дерзкий протест против требований формальной нравственности, подходит к нему постепенно, незаметно подготавливая слушателей, говорит спокойно, легко и изящно играя словами. Обрядовая сторона брака теряет значение. Андреевский требует, чтобы этот идеал осуществлялся людьми независимо от церковного венчания, требует такой чистоты любовных отношений не только от законного супруга, но и от всякого, связавшего свою судьбу с судьбой женщины.

С горечью А. Ф. Кони писал: «Нельзя было без справедливой тревоги видеть, как в отдельных случаях защита преступника обращалась в оправдание *преступления*, причем, искусно извращая нравственную перспективу дела, заставляла потерпевшего и виновного меняться ролями — или как широко оплаченная ораторская помощь отдавалась в пользование притеснителю слабых, развратителю невинных, расхитителю чужих трудовых сбережений или бессовестному обкрадыванию народа...»⁴.

Петр Сергеевич Пороховщиков (П. Сергеич) приводит такой пример: «Мещанка Макарова судилась за нанесение тяжкого увечья с заранее обдуманном намерением по статье 1477 Уложения о наказаниях; она облила жену любовника своей дочери серной кислотой. Товарищ прокурора начал свою речь так: «Реальные плоды тех отношений, которые существовали между Макаровой и Пруденской, для нас очевидны: Пруденская лишилась глаза...» Защитник не уступил своему товарищу в непринужденности и заявил присяжным, что «все дело, в сущности, представляется каким-то водевилем или фарсом. Расскажите это здравомыслящему человеку, и если он поверит, то скажет: кто этим людям дал право свободно говорить перед судом, чтобы публично издеваться над изувеченной женщиной?».

Отдельные судебные ораторы без стеснения говорят о потерпевших

---

⁴ Кони А. Ф. Приемы и задачи обвинения// Избранные произведения. — М., 1959 — С.166

или свидетельницах «содержанка», «любовница», забывая, что свобода судебной речи не есть право безнаказанного оскорбления женщины. Вместе с тем ту же мысль можно выразить без оскорбительно грубых слов.

Так, А. Ф. Кони, выступая обвинителем по делу о Станиславе и Эмиле Янсенах, говорил: «Вы знаете, что между Янсенем и Анар существовала большая дружба, старинная приязнь, переходившая в родственные отношения, которая допускает постоянное пребывание у Анар Янсена, допускает возможность обедать и завтракать у нее, заведовать ее кассой, вести расчеты, жить у нее»⁵.

Этические принципы отношения к свидетелю Ф. Н. Плевако определил следующим образом: «Да, в интересах истины мы вправе на суде оглашать всяческую правду о ком бы то ни было, если эта правда с необходимостью логического вывода следует из законно оглашенных на суде доказательств и установленных фактов, но мы обязаны не оскорблять чести свидетелей, призванных дать суду материал для дела, призванных свидетельствовать, а не защищаться от неожиданных обвинений. Мы обязаны воздерживаться от всяких выводов, легкомысленно извлекаемых из непроверенных фактов, обвиняющих кого-либо, кроме подсудимого. Короче, мы призваны оспаривать слабые доводы обвинения против наших . клиентов, а не произносить или создавать обвинение против лиц незаподозренных, а потому не привлеченных к суду». Уважительное отношение к свидетелю должно сочетаться с критическим отношением к его показаниям. Однако их несоответствие желаемому прокурором или защитником, ставящее под угрозу заранее выношенный план речи на суде, не должно отражаться на отношении к свидетелю. Совершенно недопустимы грубый тон, язвительные усмешки, оскорбительные выпады. Вместе с тем нравственная оценка даваемых свидетелем показаний и сами взаимоотношения со свидетелем должны строиться с учетом характера ошибок и неточностей в показаниях: забывчивость, добросовестное заблуждение или преднамеренное

---

⁵ Там же. С.172

лжесвидетельствование.

Необходимо отметить, что в конце XIX в. некоторые зарубежные ученые-юристы на основании ряда проведенных экспериментальных опытов доказывали несовершенство и ненадежность свидетельских показаний, данных на предварительном следствии, усиленно стараясь «объективизировать» уголовный процесс.

Доклад немецкого ученого Вильяма Штерна «Психология свидетельских показаний», прочитанный в Берлинском психологическом обществе, вызвал большой интерес и оживленную дискуссию в юридических кругах России. Опубликование доклада послужило толчком к интенсивному исследованию и обсуждению вопросов, связанных с отношением к свидетельским показаниям. Среди этих исследований наиболее основательными были работы О. Гольдовского «Психология свидетельских показаний» и А. Ф. Кони «Свидетельские показания на суде».

Остановимся на некоторых важных признаках, характеризующих личность свидетеля и определяющих специфику отношения к нему со стороны следователя, прокурора, адвоката.

Во-первых, темперамент свидетеля. В частности, давая показания на суде, сангвиник обычно сильно волнуется, в описываемых им картинах преобладают личные переживания, граничащие с преувеличениями и искажениями фактов. Поэтому при допросе свидетеля данного темперамента необходимо быть наиболее терпимым, не выражать мимикой и эмоциями свое согласие или неодобрение, поскольку такие люди склонны к приспособленчеству и могут резко менять данные ранее показания, подстраиваясь под желаемое.

Меланхолики обычно драматизируют события, но так как в силу своего характера стремятся проникнуть в глубь явления, необходимо чутко реагировать на поведение свидетеля, помня, что большинство меланхоликов - эгоцентрики; поэтому контакт с таким свидетелем возможно установить лишь через интерес к его собственной личности.

Холерик невнимателен, взгляд его поверхностен; он эмоционально взрывоопасен, что требует особой осторожности в его допросе с целью предупреждения конфликтов в зале суда.

Флегматик - наиболее обстоятельный свидетель, но обычно стремится избежать встреч с властями, неохотно выполняет свой свидетельский долг. Во-вторых, пол свидетеля. У мужчин более развиты обоняние, слух, зрение; у женщин - вкус, вазомоторная возбудимость. Мужчинам время кажется длиннее на 35 %, а женщинам — на 111 %.

В-третьих, возраст свидетеля. Дети ближайšie факты помнят сильнее отдаленных; наоборот, память стариков сохраняет воспоминания отдаленных лет и юности отчетливо и слабеет относительно ближайших событий. Особой деликатности требует допрос свидетелей-детей относительно преступлений, совершенных на сексуальной почве, событий, касающихся взаимоотношений родителей и близких родственников.

В-четвертых, поведение свидетеля. Замешательство не всегда означает желание скрыть истину, улыбка или смех при даче показаний не служат признаком легкомысленного отношения к выполнению свидетельских обязанностей. Он может страдать навязчивыми состояниями без навязчивых идей. Свидетель может быть глуп по природе, но глупость необходимо отличать от своеобразности, которая тоже может отразиться на показаниях.

В-пятых, некоторые физические недостатки, делая показания свидетелей односторонними, в то же время увеличивают достоверность в другом отношении. Например, у слепых чрезвычайно тонко развит слух. Безнравственно акцентирование внимания на недостатках свидетеля: такой свидетель, призываемый для оказания помощи правосудию, достоин уважения, а не неприкрытого сострадания.

Потерпевшие от преступления иногда склонны неумышленно преувеличивать обстоятельства или действия, которыми нарушены их права. Это касается применения сильных выражений в описании впечатлений и ощущений, гиперболизировании размеров, быстроты и силы. Следовательно,

явно выраженное недоверие или подозрение в неискренности унижает достоинство этих людей, и без того пострадавших от преступления. Необходимо крайне осторожно относиться к показаниям детей: впечатлительность и живость воображения при отсутствии должной критики по отношению к себе и окружающей обстановке делают многих из них жертвами самовнушения.

Наиболее часто встречающийся вид лжесвидетельствования - это навязанная ложь, источником формирования которой является иное лицо. В подобной ситуации лучшим средством оценки достоверности показания является перекрестный допрос, так как, выполняя добросовестно данное поручение, такой свидетель теряется при непредусмотренных заранее вопросах, путается и раскрывает игру.

А. Ф. Кони рассказывал о судебном процессе по обвинению в лжесвидетельствовании на бракоразводном процессе. Лжесвидетельство заключалось в удостоверении факта прелюбодеяния. Обвиняемые указали, что об измене они узнали от одного мелкого чиновника, а тому, в свою очередь, сказал об этом другой очевидец, впоследствии умерший. Допрошенный в качестве свидетеля чиновник под присягой подтвердил, что в театре ему показали сидевшую в ложе женщину и назвали ее по фамилии умышленно опозоренной дамы. То, что сообщенные сведения не соответствовали действительности, у прокурора не вызывало сомнений: об этом свидетельствовали и замусоленный мундир, и незнание свидетелем элементарных вещей — того, что итальянские оперы давались не в Большом, а в Мариинском театре, планировки зала, а также несоответствие жалованья чиновника стоимости театральных билетов.

Представляет интерес оценка прокурором результатов допроса. В ней нет гневного обличительного пафоса, наоборот, звучит сочувствие к введенному в заблуждение свидетелю, смешанное с легкой иронией: «...прокурор не без основания посоветовал обойти его показания, «так как свидетель имеет слишком необыкновенные качества, чтобы пользоваться его показанием при обсуждении обыкновенного дела: он обладает удивительным свойством

дальнозоркости и для него до такой степени не существует непроницаемости, что из второго или третьего ряда кресел Мариинского театра он видит, кто сидит во втором ярусе Большого...».

Допрос свидетеля — очень важное и ответственное процессуальное действие, и поверхностное отношение к нему, особенно со стороны защиты, может нанести вред установлению истины или интересам участников уголовного процесса.

Перед присяжными двое подсудимых. Один из них трижды судим за кражи и грабеж. Допрашивается сыщик. Защитник спрашивает:

— Скажите, вы раньше знали Романова? Свидетель делает короткую паузу и веско произносит:

— Да, знал; он известный вор.

Какого другого ответа мог ожидать защитник? Допрашивается другой сыщик. Несмотря на полученное предупреждение, защитник повторяет вопрос:

— Скажите, пожалуйста, а Матвеева вы знали? Агент отвечает:

— И его, и всех его братьев знаю. Известные воры: только, к сожалению, до сих пор не попадались.

Матвеев ранее не судился. Если бы не защитник, его прошлое было бы безупречным в глазах заседателей. П. С. Пороховщиков писал по этому поводу: «Если бы приведенные вопросы раздавались с прокурорской трибуны, это было бы правильно; но когда они раздаются со стороны защиты, состязательный процесс превращается в нечто совершенно недопустимое. Нельзя признать нормальным такой порядок вещей, когда наряду с обвинителем, назначенным государством, суд назначал бы подсудимому еще казенного потопителя под видом защитника»⁶.

Поскольку главным этическим правилом защитника на судебном процессе, подобно врачу в операционной, является принцип «не навреди», необходимо остановиться на некоторых рекомендациях, основанных на практике известных русских юристов конца XIX — начала XX вв. Многие из них полезны и для прокурорских работников в настоящее время.

---

⁶ Сергеев П. Искусство речи на суде. — М., 1991 — С.129-130

Товарищ прокурора Московской судебной палаты А. М. Бобрищев-Пушкин, автор книг «Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных» и «Суд и раскольники-сектанты», советовал быть осторожным, спрашивая об обстоятельствах неизвестных или сомнительных. Пока есть сомнения, обе стороны могут толковать их в свою пользу; устранив их, можно выиграть, но можно и проиграть. А если принять во внимание, что в суде, особенно в суде с присяжными, самое незначительное по виду обстоятельство может иногда решить дело, то логический вывод как для обвинителя, так и для защитника: в случае сомнения — воздержись.

Уважая присутствующих в зале, не следует спрашивать свидетелей об обстоятельствах безразличных, бесспорно установленных и очевидных. Во-первых, это экономит время, а во-вторых, служит повышению авторитета правосудия. Каждый задаваемый вопрос должен иметь вполне определенную цель, образно говоря, вопрос следует задавать только заранее зная на него ответ. Наконец, еще одно важное положение: умение вовремя остановиться.

П. Сергеич приводит следующий пример.

Парикмахер Шульц облил жену серной кислотой. Свидетель защиты рассказал о дурном поведении жены и жестоком разочаровании подсудимого, мечтавшего о семейном счастье. Прокурор предложил лишь один вопрос:

— Вам все это известно со слов Шульца? - Да.

— Я не имею больше вопросов.

Защитник спросил:

— Он вам не рассказывал, что бил ее? - Нет.

— Не рассказывал, что выгонял по ночам на улицу? - Нет.

Вопросы защитника были ошибкой уже потому, что ответы на них были логическим выводом из ответа на вопрос прокурора. Но они были рискованной ошибкой, ибо свидетель мог сказать: «Да, рассказывал, и я сам сделал бы то же самое, если бы моя жена изменяла мне и издевалась надо мной».

Глава II. Ораторское искусство российских адвокатов и его роль во взаимоотношениях обвинения и защиты

В задачи настоящей работы не входит рассмотрение приемов красноречия и ораторского искусства, но некоторые из них заслуживают особого внимания, поскольку затрагивают этическую сторону взаимоотношений обвинения и защиты.

Во-первых, использование недостатков речи процессуального противника. Два различных подхода к этому вопросу можно наблюдать в адвокатской деятельности А. И. Урусова и Ф. Н. Плевако. А. И. Урусов ждал таких промахов, вылавливая их в речи противника, а после этого набрасывался на оппонента со всей силой и страстью. Как отмечали современники, одной власти, опирающейся на статью закона, было недостаточно, чтобы «парализовать» дерзкие выходки Урусова. Кстати, подобная тактика не находила поддержки и среди его коллег. А. И. Урусов дважды привлекался к дисциплинарной ответственности — в 1885 г. за резкие выражения в процессе по делу Донцовых и в 1887-м — за пререкание с товарищем председателя суда.

Кроме того, надо учитывать, что неэтичное поведение защитника не может не отразиться на отношении присяжных к подсудимому.

Иную, отстраненно-ироничную позицию занимал Ф. Н. Плевако. Характерен следующий пример использования упущений в речи прокурора.

Старушка украла жестяной чайник стоимостью в 50 копеек. Прокурор, зная, что ее будет защищать Ф. Н. Плевако, решил заранее нейтрализовать возможное влияние защитительной речи и сам высказал все, что можно было сказать в защиту подсудимой: «Бедная старушка, горькая нужда, кража незначительная, подсудимая вызывает жалость. Но собственность священна, и если позволить людям посягать на нее, страна погибнет». Поднялся Ф. Н. Плевако. Он сказал: «Много бед и испытаний пришлось претерпеть России за ее более чем тысячелетнее существование. Печенеги терзали ее, половцы, татары, поляки. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь... старушка украла старый чайник ценою в

пятьдесят копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого Россия погибнет безвозвратно». Присяжные вынесли оправдательный вердикт⁷.

Во-вторых, выступая по делам, в которых обвинение большей частью основано на косвенных доказательствах, стороны вынуждены прибегать к такому приему, как предположение о возможном. Это касается приведения в их речах слов умершего, передачи психического состояния подсудимого или потерпевшего, обстоятельств дела. Критерием допустимости такого приема является соответствие жизненной практике, правдоподобность или вероятность приводимых объяснений. Излишняя поэтизация мотивов поведения преступника, как и желание очернить мысли жертвы, одинаково отрицательно влияют на судей: в первом случае подчеркивают неискренность оратора, а во втором — еще более обостряют негативное отношение к подсудимому. Вместе с тем приемы эти эффективны, широко используются в юридической практике.

Предполагается полезным обратиться к анализу речи известного адвоката М. Г. Казаринова по делу Укшинского, заподозренного в умышленном убийстве своей бывшей любовницы Мезиной.

После пяти месяцев совместной жизни Мезина бросает Укшинского, рабочего патронного завода, в надежде выйти замуж за купца Дальгаммера. Через девять дней после этого, спеша на свидание с новым любовником, она встречается на мосту с Укшинским, а через 4 минуты падает вместе с ним в воду. Прямые доказательства виновности Укшинского отсутствовали. М. Г. Казаринов воссоздает событие следующим образом: «Вдали перед собой она различила мрачную фигуру Укшинского. Куда деваться? Она поворачивается лицом к воде, в надежде, что Укшинский пройдет мимо и не узнает ее. Но он не проходит мимо. Сердце Укшинского испытывало то болезненное состояние, которое помимо воли овладевает нами при виде человека, которого мы так недавно любили. Еще момент - и он будет у ее ног. Он подходит, протягивает свои руки, но она от ужаса ничего не понимает, не слышит его слов. Собрав все силы, она отталкивает его, как страшный кошмар; он теряет равновесие и падает, но падая, судорожно хватается за нее, увлекая за собой в воду».

---

⁷ Кузнецов А. В. Уголовное право и личность. — М., 1997 – С.143

М. Г. Казаринов умышленно в своей речи не дает ссылок на показания свидетелей, допрошенных в зале суда, отрицательно характеризовавших погибшую (у присяжных уже сложилось о ней мнение), но он не обходит стороной недостатки своего подзащитного, методично опровергая каждый довод, приведенный прокурором в обвинительной речи. Решение присяжных было единодушным: «Невиновен».

В-третьих, сознавая слабость имеющихся доказательств, судебные ораторы часто прибегают к преувеличениям: прокурор, обращаясь к присяжным, предупреждает о грозящей непосредственно им опасности в случае, если преступление останется безнаказанным; а адвокат поддерживает у присяжных преувеличенное представление о жестокости преступления, в подтверждение того, что подсудимый, будучи добрым человеком по своей натуре, не мог его совершить. К данному приему часто обращались в своих речах С. А. Андреевский, Ф. Н. Плевако, А. И. Урусов и другие известные русские юристы.

Следует оговориться, что прием этот не является универсальным, а потому безусловно допустимым. Ф. Н. Плевако отмечал: «Судебному оратору необходимо прежде всего постараться приобрести доверие к себе... основательностью речи; но бывают речи основательные, которым, однако, нет веры; это бывает тогда, когда явится подозрение, что человек говорит не то, что хочет его сердце - сердце в разладе с умом». Поэтому, решая вопрос допустимости в своей речи преувеличений, следует исходить из оценки возможных результатов: если использование этого приема приведет к созданию у судей ложных представлений о преступлении при внутренней убежденности выступающего в обратном, то применение преувеличения становится нарушением профессиональной этики.

Наконец, касаясь этичности использования юмора в судебной речи, необходимо отметить, что превращение судебного заседания в эстрадные подмостки неприемлемо: юмор следует удалять из речи, чего нельзя сказать об иронии - там, где она направлена на изобличение ложности доказательств, но не затрагивает чести и достоинства лиц, являющихся источником этих

доказательств, использование иронии служит украшением речи, способствует формированию у присяжных более образного представления о преступлении.

Н. П. Карабчевский, выступая по делу братьев Скитских, так характеризовал логические способности большинства нижних полицейских чинов, говоря о Семенове: «...он внес в дело весьма тонкое и ценное соображение. Он первый безоговорочно решил, что преступников было именно двое. Не характер насилия над трупом, не все тонкости судебно-медицинской экспертизы привели его к такому умозаключению. Нет, его осенила простая житейская сообразительность: водка и закуска в месте «засады» найдены в таком друг от друга соотношении и на таком расстоянии, что одному человеку невозможно одновременно дотянуться и до водки, и до закуски. Очевидно, в засаде сидели двое! Гениальное открытие! Оно, без сомнения, могло возникнуть только на благодатной родине бессмертного гоголевского Пацюка, которому, как известно, вареники, и притом обмакнутые в сметану, сами летели в рот».

Установление и поддержание психологического контакта участников диалога подразумевает установление доверия между людьми и их интерес друг к другу.

В своей книге «Искусство речи на суде» П. Сергеич выделяет следующие основные элементы спора.⁸

1. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В СПОРЕ.

- Во всем, что продумано, различайте необходимое и полезное, неизбежное и опасное.
- Не забывайте различия между соображением, касающимся существа спора, и аргументацией, направленной на человеческое, нравственное.
- Остерегайтесь так называемых обоюдоострых доводов.
- Не доказывайте очевидного.
- Если вам удалось найти яркое доказательство или сильное возражение, не начинайте с них и не высказывайте их без известной подготовки.
- Доказывая и развивая каждое отдельное положение, не упускайте из

---

⁸ Сергеич П. Искусство речи на суде. — М., 1991 — С.200

виду главной мысли и других основных положений.

- Отбросьте все посредственные и ненадежные доводы.
- Не бойтесь согласиться с противником, не дожидаясь возражения.
- Если улики сильны, следует приводить их порознь, подробно развивая каждую в отдельности; если они слабы, следует собрать их в одну горсть.
- Старайтесь как можно чаще подкреплять одно доказательство другим.
- Не пытайтесь объяснить то, что сами не вполне понимаете.
- Не старайтесь доказывать большее, когда можно ограничиться меньшим.
- Не допускайте противоречий в своих доводах.

2. ОПРОВЕРЖЕНИЕ В СПОРЕ.

- Не разделяйте обобщенные доводы противника.
- Не оставляйте без возражения сильных доводов противника.
- Не доказывайте, когда можно отрицать.
- Отвечайте фактами на слова.
- Возражайте противнику его собственными доводами.
- Не спорьте против несомненных доказательств и верных мыслей противника.
- Не опровергайте невероятного.
- Пользуйтесь фактами, признанными противником.
- Если защитник обошел молчанием неопровержимую улику, обвинителю следует только напомнить ее присяжным и указать, что его противник не нашел объяснения, которое устранило бы ее.
- Следует помнить общее правило всякого спора: чтобы изобличить неверные рассуждения противника, надо устранить из них побочные соображения, отдалив положения, составляющие звенья логической цепи, расположить их в виде одного из нескольких силлогизмов; ошибка тогда станет очевидной.

Глава III. Вклад выдающихся российских адвокатов в развитие адвокатской профессиональной культуры

О нравственных сомнениях и терзаниях адвоката ярко сказано защитником М. Г. Казариновым по делу адвокатов Базунова и Аронсона: «Деление уголовных дел на приемлемые для адвокатов и неприемлемые в корне неправильно. Здесь, на суде, от старых и опытных представителей адвокатуры мы слышали о делах симпатичных и несимпатичных. И такая сортировка для меня вполне понятна. Симпатичные дела — это такие, в которых общественная совесть на стороне подсудимых. Прокурорское обвинение звучит в таких делах как глас вопиющего в пустыне, не находя отзвука в сердцах судей, оправдание обеспечено заранее и защитник может больше волноваться о своих лаврах, чем об участии подсудимого. Но бывают дела другого рода: обвиняемый погряз в пороке и преступлении, все порядочное и честное от него отвернулось, брезгливо отшатнувшись, сердца судей преисполнены негодованием и обвинительный приговор обеспечен. Такие дела, я согласен, не симпатичны для защиты, но думать, что участие в подобных делах ложится на защитника тенью, что подобные дела для адвоката неприемлемы, — это значит не усвоить себе первых букв адвокатского символа веры. Ведь именно в подобных делах и необходимо участие просвещенной самоотверженной защиты, задача которой — восстановить порвавшиеся между обвиняемым и судьями нити моральной связи, показать, что обвиняемый, как низко он ни пал, все же человек с печатью божества и богоотступными чертами, возбудить к нему сочувствие в судящих его и обратно — зажечь в нем раскаяние, веру, любовь к людям, смягчить его судьбу, вымолить для него, как венок для погребаемого, слово примиряющего снисхождения».

Вопросам нравственной ответственности и формирования процессуальной позиции защитника посвящена книга К. А. Арсеньева «Заметки о русской адвокатуры. Обзор деятельности Санкт-Петербургского

Совета присяжных поверенных за 1866-1874 гг.».

За годы пребывания К. А. Арсеньева в Совете только по соображениям нравственного характера было отказано в приеме в присяжные поверенные 24 лицам. Здесь небезынтересно привести такую деталь: Совет присяжных поверенных исходил из того, что сам факт принятия кого-либо в присяжные поверенные не накладывал на все его предшествовавшие деяния покров забвения, и если впоследствии открывались неизвестные ранее Совету факты, порождавшие сомнение в добросовестности принятого лица и в правильном понимании им своих обязанностей, то Совет был вправе исключить такое лицо из корпорации⁹.

Касаясь формирования процессуальной позиции защитника, К. А. Арсеньев допускал расхождение присяжного поверенного с подсудимым в оценке отдельных доказательств и фактов. Вместе с тем в трудах русских юристов исследуемого периода отсутствует единое мнение о поведении адвоката в двух случаях: если подсудимый признает себя виновным, а у защитника имеются данные об обратном; или если подсудимый отрицает свою вину, а у защитника отсутствуют логические основания присоединиться к такой позиции.

Следует пояснить слова А. Ф. Кони: «Уголовный защитник должен быть муж добрый, опытный в слове, вооруженный знанием и глубокой честностью, бескорыстный и независимый в суждениях; он правозаступник, но не слуга своего клиента и не пособник ему уйти от заслуженной кары правосудия». Нельзя обязать защитника следовать за утверждениями подсудимого, если они неправдоподобны или бессмысленны. Как же в таком случае должен действовать защитник?

Представляется интересным и поучительным способ защиты, примененный Н. П. Карабчевским в деле Савелия Петрухина, обвинявшегося в умышленном, но без заранее обдуманых намерений лишить жизни, убийстве своей сожительницы Косоревой. В своей речи Карабчевский сказал:

---

⁹ Озрих М. Ф. Личность и право. — М., 1995. — 200 с.

«Господа присяжные заседатели, если бы было установлено, что Петрухин виновен, я просил бы у вас сострадания к нему. Но поскольку установить это, опираясь на доказательства, собранные следствием, невозможно, то я прошу его оправдать».

Особую сложность этического порядка представляет случай, когда подсудимый признает свою вину перед защитником, но решительно отстаивает свою невиновность перед судом. Разумеется, первейший долг защитника в данной ситуации состоит в том, чтобы убедить своего подзащитного в неразумности такой позиции и в предпочтительности чистосердечного раскаяния. Однако если подсудимый отвергает рекомендации, то адвокат К. А. Арсеньев указывает на следующее: «Защищая и охраняя своих доверителей, присяжный поверенный не должен нарушать ни общих правил, ни правил нравственности, не может прибегать для достижения цели к предосудительным средствам, хотя бы этого прямо требовал от него доверитель; но получив признание от подсудимого личного характера, он не вправе использовать конфиденциальные сведения во вред подсудимому либо устраняться от участия в деле». Из этого следует, что защитник не вправе признать в суде виновность подсудимого в том случае, если он лично получил от него такое признание.¹⁰

Умение соединять в защите интересы общества и подзащитного, не противопоставляя их, умение поднять социальное значение защиты при отстаивании, в сущности, частного интереса — это, несомненно, одно из важных проявлений профессиональной культуры адвоката.

---

¹⁰ Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. — М., 1982 – 196 с.

Заключение

Подводя итоги работы, можно сказать следующее. Профессиональная адвокатура, организованная на основе Судебных уставов 1864 г., явилась абсолютно новым для России учреждением и по своему содержанию и по форме. К работе были привлечены прогрессивно мыслящие, профессиональные юристы, многие из которых оставили выгодную государственную службу. В числе выдающихся адвокатов России того периода были имена таких юристов, как А.Ф.Кони, В.Д.Спасович, С.А.Андреевский, А.Я.Пассовер, А.А.Герке, А.Л.Боровиковский, А.И.Урусов, П.А.Александров и другие.

Русские адвокаты объединялись в самоуправляющиеся организации, придерживающиеся буквы и духа закона. Для населения были открыты юридические консультации. Предусматривались также меры для того, чтобы без защиты не оставались подсудимые и участвующие в судебных тяжбах граждане, не имеющие средств для оплаты адвокатского гонорара. Адвокаты приобретали статус одновременно правозаступника и поверенного своего клиента.

Однако судебная реформа одной из первых была подвергнута коренному пересмотру. К концу 80-х годов прошлого века из Судебных уставов 1864 г. были исключены многие демократические институты, изменено судопроизводство по государственным преступлениям, устройство адвокатуры также потерпело большие изменения и ограничения со стороны властей. Так, например, было приостановлено образование новых советов присяжных поверенных и их отделений, установлен строгий контроль за существующими. Была предпринята попытка подчинить адвокатов непосредственно надзору Министерства юстиции, что фактически лишило бы из независимости. Инициатива адвокатов, шедшая вразрез с официальной линией правительства, неизменно пресекалась.

В 1890 г. начала действовать правительственная Комиссия “для

пересмотра существующих о поверенных по судебным делам узаконений”, что фактически означало шаг в сторону проведения контрреформ. Адвокатура потеряла ряд своих демократических привилегий, а также - своих лучших представителей.

Таким образом, начало российской адвокатуры, ее традициям и принципам было положено еще в 1864 г., более 130 лет назад. Анализ законодательства дореволюционной России в этой области позволяет отметить многие прогрессивные стороны Судебного устава, выделить то рациональное зерно, которое может и должно быть использовано при разработке нового закона о российской адвокатуры. Можно констатировать, что принципы, заложенные в основу организации адвокатуры конца XIX века, не потеряли своей актуальности и представляют значительный интерес для решения задач современного общества. Это же видно на приводимых в работе примерах деятельности конкретных адвокатов.

Список использованной литературы

1. Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии. — М., 1996 — 400 с.
2. Кони А. Ф. Приемы и задачи обвинения// Избранные произведения. — М., 1959 — 484 с.
3. Корневский Ю. В. Государственное обвинение в условиях судебной реформы (процессуальный, тактический и нравственный аспекты): Методическое пособие. — М., 1994 — 328 с.
4. Кузнецов А. В. Уголовное право и личность. — М., 1997 — 224 с.
5. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. — М., 1982 — 196 с.
6. Майерс Дэвид. Социальная психология. — СПб., 1997 — 384 с.
7. Озрих М. Ф. Личность и право. — М., 1995. — 200 с.
8. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. Психология подростковой преступности. — кн. 1и2. -М., 1998.
9. Сергеич П. Искусство речи на суде. — М., 1991 — 400 с.
10. Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. — М., 1998.
11. Яковлев А. М. Преступность и социальная психология. — М., 1999. - 328 с.